

Два месяца спустя.

День, когда Бай Мянью разрешился от бремени, пришелся как раз на полнолуние.

Он мучился от боли целые сутки напролет, голос его охрип от криков, лицо было залито слезами. Из последних сил вцепившись в руку Бо Цинъянь, он снова и снова звал:

— Жена...

Бо Цинъянь дежурила у его постели, не смыкая глаз всю ночь.

На рассвете раздался детский плач.

— Поздравляю Достопочтенную! Родилась маленькая барышня!

Бай Мянью только успел перевести дух, как накатил новая волна жуткой боли, и он, согнувшись пополам, издал надломленный стон.

— Е-ещё... ещё один...

Прошла еще одна четверть часа мучений.

Раздался второй плач.

— Поздравляю Достопочтенную! Родился маленький господин!

Бай Мянью пластом лежал на постели. Он выглядел так, будто только что искупался в воде, лицо его было совершенно бледным, но улыбка сияла счастливым светом.

— Ж-жена... у нас двойня...

Бо Цинъянь сидела на краю постели и, протянув руку, мягко отбросила со лба испачканные пряди.

— Ты натерпелся.

Бай Мянью покачал головой, взял ее руку и прижался к ней щекой, ласково потеревшись.

— Вовсе нет... Родить ребенка от жены... Я так счастлив...

Бо Цинъянь молча смотрела на него.

Наклонившись, она оставила легкий поцелуй на его лбу.

— Спи.

Бай Мянй кивнул и закрыл глаза.

—

Три дня спустя глава секты лично навестила Бай Мянй.

Стоя у изголовья кровати, она опустила взгляд на завернутых в пеленки младенцев и спустя мгновение равнодушно произнесла:

— Раз уж они рождены с кровью моей Секты Небесного Меча, то будут принадлежать ей.

Бай Мянй замер. Он посмотрел на Бо Цинъянь, и его глаза снова покраснели.

Бо Цинъянь подошла, присела на край кровати и сжала его ладонь.

— С этого дня ты — человек Секты Небесного Меча, — безмятежно произнесла она. — Мой законный муж, по всем правилам.

Из глаз Бай Мянй хлынули слезы.

Он отчаянно закивал, да так усердно, что брызги слез полетели во все стороны.

— Да! Да! Я — муж жены! Законный муж!

Видя, как он одновременно плачет и улыбается, Бо Цинъянь чуть-чуть изогнула уголки губ в едва заметной улыбке.

Бай Мянй от переполнявшего его счастья не знал, куда девать руки, и, притянув ее ладонь, положил себе на живот. Тот уже успел разгладиться, и сквозь мягкую ткань исподнего платья чувствовалась теплая, нежная кожа, а под ней — едва заметные, размеренные вздохи.

— Жена...

— Мм?

— Когда мне станет лучше... давай заведем еще одного, м?

Бо Цинъянь ответила не сразу.

Она просто смотрела на него — на его невероятно сияющие глаза, на два ярких румянца, распутившихся на щеках, на эту его улыбку, полную абсолютного доверия.

Затем она наклонилась и шепнула ему прямо на ухо. Ее дыхание коснулось ушной раковины, вызывая легкую щеку, словно невесомое прикосновение птичьего пера.

— Так сильно хочешь рожать мне детей?

Уши Бай Мяня моментально вспыхнули. Краснота с видимой скоростью разлилась по коже: от самых кончиков ушей до мочек, перекинулась на щеки, побежала дальше по шее и скрылась в глубине ворота.

И всё же он кивнул.

— Хочу.

Бо Цинъянь смотрела на него.

Долгое время спустя она снова подалась вперед, прижавшись тонкими губами к его пылающему уху, и тихо произнесла нечто.

Зрачки Бай Мяня слегка расширились, его словно парализовало заклинанием — он застыл на мгновение, а затем резко схватил одеяло и с головой укрылся с головой.

На поверхности постели образовался небольшой бугорок, из-под которого торчали лишь два донельзя покрасневших кончика ушей.

Бо Цинъянь сидела на краю постели и, глядя на этот надутый «кокон», чувствовала, как в глубине ее глаз разливается мягкая, едва заметная улыбка.

Снаружи ветерок трепал прядь волос у ее виска.

-

На третий месяц после родов у Бай Мяня снова начался токсикоз.

В то утро, стоило ему поднять пиалу, как запах рыбного супа ударил в нос, и в желудке тут же заворочался удушливый шторм. В панике поставив пиалу на стол, он шатаясь бросился в угол и, опершись о стену, зашелся в мучительных рвотных позывах.

Наконец закончив, он с ослабевшими ногами повернулся и тут же уткнулся в чье-то теплое объятие.

Бо Цинъянь невеста откуда появилась рядом: одной рукой она поддерживала его за талию, а пальцы другой уже легли на его запястье. Ее прохладные кончики пальцев застыли на пульсовой точке, в тишине считывая ответ организма.

Жалобно заглядывая в глаза, он протянул:

— Жена... неужели я снова...

— Угу.

Бай Мянь слегка растерялся, но куда сильнее было чувство радости. Он опустил взгляд на собственный живот — тот едва успел вернуться в форму, но под тонкой тканью одежды уже чувствовался мягкий, теплый округлившийся пузик.

Снова?

Так быстро?

Неужели это та самая система удачи? Как же невероятно быстро и удачно ему выпало снова понести ребенка жены!

— С-снова беременен?

Бо Цинъянь молча смотрела на него.

Прошло всего три месяца после родов, а его тело стало еще нежнее, чем прежде.

Щеки пышут румянцем, уголки глаз приподняты, губы влажные и манящие, словно спелый фрукт. Даже взгляд приобрел куда больше манерности, чем раньше — влажный, стоит лишь взглянуть, и сердце тут же тает.

Жизнь практика долга и протяженна, и если нет идеальной совместимости, то даже при

близости день и ночь зачать ребенка для мужа — задача крайне трудная.

И хотя котел обладает особой конституцией тела, это вовсе не значит, что он отличается феноменальной плодовитостью, так что этот блудливый муж, судя по всему, обладал поистине редким природным даром.

Подумав об этом, Бо Цинъянь озвучила мысль вслух.

Бай Мянй остолбенел, а затем густо покраснел.

— Я... я ведь ничего...

— Забеременеть через три месяца, — равнодушно бросила Бо Цинъянь, — если это не природный дар, то что?

Бай Мянй опустил голову, обнажая полоску тонкой белоснежной шеи. На ней тоже проступил слой легкого румянца, точно нежная пудра.

И тихонько спросил:

— Т-тогда... жене нравится?

Бо Цинъянь усмехнулась и притянула его в свои объятия.

— Нравится.

Бай Мянй улыбнулся, прильнув к ее груди. Его брови изогнулись дугой, делая его похожим на щеночка, утащившего лакомство.

А затем для Бай Мянй вновь началась пора бесконечной заботы и кормления.

Бо Цинъянь велела доставлять с горы всевозможные целебные снадобья и каждый день придумывала для него новые изысканные блюда. Живот Бай Мянй рос с каждым днем, тело становилось всё мягче, а сам он до того обленился, что даже ходить ему не хотелось — лишь бы целыми сутками валяться в постели.

В тот день Бо Цинъянь медитировала в тихой комнате.

Бай Мянй, выставив вперед четырехмесячный живот и держа в руках тарелочку с пирожными, тихонько приоткрыл дверь, намереваясь угостить ее.

Но едва он ступил за порог тихой комнаты, как на него хлынул мощный поток невидимой силы, отбросив назад на два шага и едва не заставив упасть.

— Ж-жена?

Он растерянно замер на пороге, не понимая, что происходит.

Бо Цинъянь открыла глаза.

Ее взгляд стал еще глубже, чем прежде. В черных зрачках словно таилась бескрайняя звездная новь, а в переливах света проступали очертания меча.

Она поднялась и подошла к нему.

— Зачем пришел?

Бай Мянь поднял тарелочку и пролепетал:

— Принес жене поесть...

Бо Цинъянь посмотрела на него, забрала сладости и отставила в сторону.

Затем протянула руки и заключила его в объятия.

— Почувствовал только что?

Бай Мянь кивнул, все еще испытывая легкий испуг:

— Т-там была такая мощная сила...

— Это ци меча, — произнесла Бо Цинъянь. — Я только что прорвалась на Стадию Превращения Божества.

Стадия Превращения Божества?

Он помнил, как система говорила, что в этом мире достичь до Стадии Превращения Божества способны лишь единицы.

При этой мысли Бай Мянь мгновенно воодушевился.

— Жена такая сильная! — Его глаза ярко заблестели. — Жена — самая сильная на свете!

Бо Цинъянь опустила на него взгляд.

Солнечные лучи косыми полосами падали сквозь решетчатое окно, ложась на его профиль и покрывая теплой золотистой каймой. Запрокинув голову, он смотрел на нее так, будто в его глазах отражалась вся вселенная.

— Знаешь, почему мне удалось прорваться так быстро?

Бай Мянь покачал головой.

Рука Бо Цинъянь мягко легла на его живот. Сквозь тонкую ткань одежды отчетливо ощущалось теплое биение под ладонью и едва заметная внутренняя пульсация.

— Из-за тебя.

— Конституция котла от природы создана для совершенствования, — ровным голосом произнесла Бо Цинъянь. — В период вынашивания плода ци изначального инь в твоём теле достигает пика, и когда мы занимаемся духовными практиками вместе, результат превосходит все ожидания.

Бай Мянь с видом человека, понявшего всё лишь наполовину, закивал.

Хотя многое ускользало от его понимания, одну вещь он уловил предельно ясно —

Он может быть полезен жене.

— Т-тогда я буду рожать жене еще детей! — радостно воскликнул он, и его глаза засияли пуще прежнего. — Чтобы жена смогла прорываться еще быстрее!

Бо Цинъянь смотрела на него.

Глядя на это его усердное и донельзя наивное выражение лица, она позволили уголкам своих губ слегка изогнуться в улыбке.

Заметив это, Бай Мянь заулыбался еще счастливее.

<http://bllate.org/book/22395/2350077>